

ВАЛЕНТИН ЛУКЪЯНИН

АРИФМЕТИКА РАСКОЛА*

Субъективные заметки непримкнувшего

Почему про раскол — объяснять не надо. Почему “арифметика”? Потому что не “алгебра” и не полюбившаяся телевизионщикам “анатомия”: завлекать глубиной не собираюсь, речь пойдёт лишь о том, что лежит на поверхности, на виду. Но как раз то, что на виду, обычно и не замечается.

Почему заметки — субъективные? Не из скромности: мол, ваше дело соглашаться или не соглашаться, а у меня вот такое мнение. Если б я не надеялся в чём-то вас убедить или переубедить, так зачем бы сел писать эти заметки? Но я человек, к сожалению, уже очень немолодой, и многое, о чём нынешние, даже и зрелые по возрасту люди знают лишь из книг или интернета, видел своими глазами. Это не значит, что я во всём прав; это значит лишь то, что за какими-то сведениями мне не понадобится лезть в источники — просто сошлюсь на собственные впечатления. Вам, думаю, будет даже интересней читать, а мне — легче писать.

С собственного впечатления и начну.

Случилось мне быть делегатом XXVIII, — как оказалось, последнего — съезда КПСС. Пожалуй, стоит рассказать, как я туда попал, — это любопытно. Членом партии я был, но в этом качестве особо себя не проявил. Скорее наоборот: в мае 1983 года на заседании бюро Свердловского обкома, которое проходило под председательством первого секретаря Б. Н. Ельцина, меня “прорабатывали” за “идеологические ошибки”, которые я допустил, будучи тогда главным редактором журнала “Урал”. Случай известный, о нём позже немало писали. С такой отметиной, если б всё в стране шло гладко, никому бы и в голову не пришло посылать меня на съезд. Но шла “перестройка”, и небольшую часть делегации было “доверено” избрать “демократически” — прямым голосованием рядовых членов партии. Кандидатуры выдвигались в первичных организациях, коллеги предложили меня. “Выдвиженцы” в коротких текстах обозначали свои позиции, листовки распространялись по “первичкам”, и голосовали там не столько за или против людей (которых просто не знали), сколько за или против идей. Конкуренция оказалась серьёзной — человек по десять на место, но я прошёл: оценили, надо полагать, мою идею. Заключалась она в том, что пора уже отменить резолюцию “О единстве партии”, принятую с подачи В. И. Ленина X съездом, — о запрете внутрипартийных фракций. Резолюция сжимала партию в кулак, которым проще было громить противников; хорошо это или плохо — судите сами, но в начале 1920-х иначе с ситуацией большевики точно бы не справились. А в интеллектуальной

* Журнальный вариант.

атмосфере конца 1980-х тем кулаком следовало не размахивать, а подпереть подбородок – как у Родена. “Управлять движением мысли и только потому – страной”. Говоря без экивоков, допустить свободное обсуждение вопросов партийной политики, стать умной. Это я предлагал и, как видите, получил поддержку.

О своём пребывании на съезде я вспомнил сейчас потому, что видел своими глазами, как выходил из КПСС Б. Н. Ельцин. Его, уже избранного к тому времени председателем Президиума Верховного Совета РСФСР, выдвинули в состав ЦК. Борис Николаевич поднялся на трибуну и заявил, что снимает свою кандидатуру и, более того, выходит из партии, потому что нынешняя его должность не позволяет ему отождествлять свою позицию с позицией части народа, ибо он во власти представляет интересы *всего* народа.

Насколько эта декларация соответствовала действительности – вопрос риторический. Оказавшись на вершине государственной власти, Ельцин уже не считал нужным обсуждать ключевые решения с оппонентами, а предпочёл заимствованную из американской конституции “систему сдержек и противовесов”. Не стану рассуждать о том, насколько хороша та система в принципе, лишь подчеркну, что придумана она была на её “исторической родине” для того, чтобы обеспечивать стабильность государственной конструкции за счёт разделения властей. Но разделять власть Борис Николаевич ни с кем не собирался, и в последующие месяцы я с удивлением и тревогой наблюдал, как нарастало противостояние “всенародно избранного” президента и будто бы “самозванного” Верховного Совета. Во что оно вылилось, напоминать излишне.

Доставшийся нам в наследство от периода ельцинского правления раскол общества не только сохранился по сей день, но стал привычен, как хроническая болезнь, с которой, хочешь не хочешь, а придётся жить уже до конца...

Симптомы этой болезни очевидны на всех уровнях жизни: на бытовом (“нувориши” живут иначе, нежели “нищоброды”¹), на ментальном (у “элиты” другая история России, и вообще, для них нынешняя Россия – “другая страна”), на мировоззренческом (представления о том, как устроено общество и как оно должно управляться, у противоборствующих сторон различны до полной несовместимости). Социальное пространство будто разгорожено заборами – и статусными, и долларовыми, и этническими, и конфессиональными, – и заборов этих несчётно, причём они, по сути, не очень отличаются от металлических заборов вокруг “элитных” домов в городе и бетонных – вокруг коттеджных посёлков. Градус взаимной неприязни подскочил до той отметки, когда у больного начинаются галлюцинации и изнуряющие кошмары. Нынче соньяе за тот или иной “забор”, и в лучшем случае схлопочешь заряд соли в мягкое место, а может случиться и похуже.

Впечатление такое, что все это чувствуют, но переживают по-разному. Многие притерпелись – уж так, мол, устроен мир: верх – низ, день – ночь, горячо – холодно, русские – евреи (или американцы), богатые – бедные, патриоты – демократы; ну и что? Другим неймётся: раз я так думаю, значит, это и есть правда. Ещё в советское время остроловлили: существуют две точки зрения – моя и неправильная. У кого нрав покуче – готовы, как футбольные фанаты, не утруждая себя поиском аргументов, пойти за свою “правду” стенка на стенку. Но немало и таких деятелей, особенно среди чиновников средней руки, для кого разногласия – удобный способ продемонстрировать, кто в доме хозяин. Вы, мол, настаиваете – так не будет же по-вашему!

Третий вариант можно проиллюстрировать множеством примеров из современной российской реальности, в том числе из жизни Екатеринбургa. Для краткости просто напомним, не погружаясь в подробности, два-три случая, о которых много писалось в уральской прессе (писал и я). “Реставрация” “Пассажа” в центре города не просто с грубыми нарушениями юридических и нравственных законов и норм, но с циничным вызовом общественности: на кося, дескать, выкуси. Не менее циничный вызов – демонтаж “Краснознамённой группы” на екатеринбургской Плотинке с изображением ордена Ленина, честно заработанного тружениками промышленного города в годы войны

¹ На эту тему убедительно рассуждает С. М. Миронов в статье “Ядовитые семена социальной розни” (Лит. газета. № 17. 27 апреля – 3 мая 2016).

и в первые послевоенные десятилетия. Ещё из памятных случаев – смещение закусившей удила чиновницей из городской администрации директора престижной гимназии: учителя, ученики, общественность дружно протестовали, так не они же, а она решает! Подобных примеров не счесть ни у нас, ни в других городах и весях страны.

Однако балаганно-карамельный “Пассаж”, изуродовавший архитектурный облик городского центра, постыдные “кошки-мышки” вокруг “Краснознамённой группы”, уязвленное самолюбие мелкой (не столько должностью, сколько душою) чиновницы – всё это провинциальные игры при участии денег, власти, тщеславия, чванства, хотя они заметно поколебали репутацию уральской столицы и во всероссийском масштабе.

А вот скандал с открытием в Екатеринбурге “Ельцин-центра” тянет не только на всероссийский, но, пожалуй, и на международный уровень. Почему – скандал? Потому что, по данным ВЦИОМ, обнародованным в конце января 2016 года, 59% граждан страны оценивает реформаторскую деятельность “первого президента” негативно и только 15% – положительно. Любопытно, что четверть россиян при этом всё же личности Ельцина до сих пор симпатизирует. (Видимо, небезосновательно утверждение словаря, что харизматичному лидеру “массы склонны прощать любые просчёты”.) Однако 62% опрошенных граждан уже и личность Ельцина не кажется больше харизматичной, она вызывает у них сегодня острую неприязнь¹. Согласен, что большинство не всегда право, но согласитесь и вы: если большинство против, а власть принимает решение в пользу меньшинства, то это уже не “демократия”, а именно скандал. При этом все знают, что на создание центра потрачено 7 миллиардов рублей (такая сумма называлась в разных источниках, и никто не пытался её ни оспорить, ни оправдать), и это в условиях, когда урезается бюджет и официально признаётся снижение уровня жизни².

Но, пожалуй, даже не столько миллиарды, затраченные на увековечение памяти Ельцина, потрясли общественность, сколько тот факт, что на открытие “Ельцин-центра” в Екатеринбург приехали и президент, и премьер-министр, и весь столичный бомонд, включая даже полузабытых деятелей ельцинского периода, нынче гордо именующих себя оппозицией. Зачем В. В. Путин приезжал на эту церемонию, никто из комментаторов внятно объяснить не смог. Может, продемонстрировать, что сохранение раскола стало стержневым направлением государственной политики? Но ведь Владимир Владимирович в своё время пришёл на смену Ельцину с ясно выраженным намерением преодолеть раздразняющую девятность. Чем сразу же энергично и занялся: притормозил “парад суверенитетов”, “равноудалил” олигархов, приглушил разнузданный антисоветизм, оскорбительный для большинства граждан страны. По настоянию Путина ещё в первый год его президентства была утверждена “компромиссная” государственная символика: герб – от Российской империи, флаг – от Белого движения и гимн (правда, с переписанными словами) – от СССР. Потом – если не с его подачи, то уж точно с его одобрения – заменили привычный с пелёнок “красный день календаря” Днём народного единства. Замысел был прозрачен: привычный сызмальства нерабочий день, только чуть сдвинутый по времени, был сохранён, а патриотический мотив будто бы даже и усилен – ну, как же россиянину не испытывать гордости от сознания, что четырёх лет назад его предки изгнали поляков из Кремля? (Правда, Смутное время на том не закончилось, но ЕГЭ не предусматривает знания таких подробностей).

По правде сказать, все эти объединительные маневры лично меня не очень убедили, да едва ли и сам Владимир Владимирович вполне доволен результатами. Как показывает криминальная хроника, “ручные” главы регионов оказались ненадёжными, “равноудалённые” олигархи не стали ближе к народу. Механически соединённые государственные символы лишь подчёркнули

¹ <http://www.interfax.ru/russia/415994>; <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115565>

² Между прочим, в начале 2016 года городские власти утверждали, что вот-вот начнётся строительство Опалихинского моста через Исеть – он заметно укоротил бы связи отдалённых северо-западных районов с центром города. Подрядчики соглашались построить это отнюдь не эпохальное сооружение за 622 миллиона рублей. Но этих денег в казне не нашлось, проект отложили до лучших времён. А вот 7 млрд для “Ельцин-центра” нашлись!

неорганичность нашей государственной системы, а подмена седьмого ноября четвёртым, по-моему, дискредитировала оба праздника — и старый, и новый; остался банальный выходной день с усмешкой в сторону властей предрежащих.

Но скорее всего, президент и не рассчитывал, что коррекции в ритуальной сфере всерьёз повлияют на умонастроения. Не для того ведь существуют ритуалы, чтобы изменить образ мыслей и характер чувствований. Их назначение прагматичнее: упорядочить и сделать понятным для окружающих поведение отдельного человека в социальной среде. Пусть про себя он думает, как ему заблагорассудится, но вести себя обязан подобающим образом — ему же самому будет комфортнее жить среди людей. Когда американец вам улыбается, это не значит, что он на самом деле так уж рад встрече с вами; когда немец, француз или испанец идёт в церковь, это тоже не значит, что он такой набожный. Ни тот, ни другой, однако, не лукавят — они просто поддерживают сложившийся и более или менее их устраивающий общественный порядок. Куда как хуже было бы, если б они вели себя “естественно”.

Поэтому я склоняюсь к мысли, что Владимир Владимирович поддержал ритуал открытия первого в России президентского центра не потому, что хотел усугубить российский раскол, а потому, что увидел возможность наложить ещё одну “скрепу”¹ на опасную трещину. В незыблемой поддержке собственной власти подавляющим большинством российского общества он не сомневается, а отнесенной на второй план “элите” ельцинского призыва счёл нужным послать сигнал: не волнуйтесь, мол, и вас я не оставил. Фигурально выражаясь, президент предъявил “граду и миру” новый вариант соединения советского гимна с имперским гербом.

Честно признаюсь, я к числу поклонников В. В. Путина не принадлежу. Но не могу спорить с очевидным: в сегодняшней России это объединяющая фигура, национальный лидер в самом прямом смысле этого слова. Этот статус не дарован ему свыше, он сам его выстроил по кирпичику — обдуманно, бестрепетно и расчётливо. В смысле, без особой заботы о том, что станут говорить злоязыкие журналисты из “Новой газеты” и “Эха Москвы”. Можно вспомнить и его brutальные реплики по актуальным поводам, и успехи в подводной археологии, и внезапное десантирование в “прифронтовой” Грозный на военном истребителе, и погружение в батискафе в байкальские глубины, и полёты со стерхами над ямальской тундрой, и выходы с чёрным поясом на татами. Впрочем, это лишь малые штрихи, образующие фон. Основную же роль сыграли акции государственного масштаба. Всерьёз озабоченный поиском “скреп”, которые соединили бы в прочный монолит куски расколотого общества, он, конечно, возлагал большие (пожалуй, всё-таки чрезмерные) надежды на Сочинскую олимпиаду. Средств извели немерено², но результат получился, согласитесь, неоднозначный, а допинговыми скандалами перед бразильской олимпиадой и футбольным провалом на чемпионате во Франции он и вовсе был смазан.

Однако вскоре Сочи отошли на задний план, ибо случилось нечто непредвиденное, незапланированное, но сразу прозорливо Путиным оценённое и поддержанное — и, как оказалось, для консолидации российского общества несравненно более значимое, нежели Сочи вместе с футбольным чемпионатом, — случилось возвращение Крыма. Акцию “Крымнаш” с энтузиазмом поддержали 85% россиян и лишь 15% по разным мотивам не одобрили. Нет оснований считать, что это те же самые 15%, которые сегодня довольны итогами ельцинского правления, но полагаю, что в значительной мере это всё-таки они.

Ну, и как не упомянуть в этой связи четырёхчасовое ежегодное общение президента с народом по прямой линии, всякий раз впечатляющее не столько обилием и свежестью информации, сколько мгновенной реакцией Путина на обращения слушателей. Стоит кому-то пожаловаться на какое-то беззаконие, и он тут же твёрдой рукой наводит порядок: одним начинают выплачивать задержанную зарплату, другие ставятся на контроль, а против третьих даже возбуждаются уголовные дела. Правда, после выясняется, что чиновни-

¹ Вспомнив старинное слово “скрепы”, В. В. Путин дал повод оппозиционно настроенным журналистам позубоскалить, но упражнялись они в остроумии напрасно: мысль-то была здравая. См. Лукьянин В. П. Опыт о скрепах. // Урал. 2015, № 9.

² По официальной версии, 214 млрд руб., но по данным Фонда борьбы с коррупцией — почти 1,5 трлн (<http://sochi.fbk.info/ru/price/>).

ки на местах спешили исполнить распоряжения президента не затем, чтоб исправить упущения, а затем, чтоб продемонстрировать послушание, после чего можно жить и руководить в прежнем режиме. Всё это очевидно, однако рейтинг президента от этого почему-то не страдает. Загадочная это материя – социальная психология...

В. В. Путин не устает демонстрировать намерение быть президентом не избранных, а большинства: искореняет нерадивость и лихоимство чиновников, добивается национального согласия по ключевым вопросам внутренней и внешней политики, отстаивает позиции России перед Европой и Америкой, не упускает случая напомнить о “национальной гордости великороссов”. Оттого и пользуется народной поддержкой. Ему бы ещё порезче отмежеваться от ельцинского наследия, но, может, он и прав, не провоцируя новых конфликтов между частями и без того расколотого общества. И напрасно сильно измелъчавшая при Путине оппозиция хлопочет о “честных выборах”: национальный лидер побеждает не с помощью подтасовок или административного режима, а потому, что народ действительно голосует за него.

Всё это так, но раздрай-то не прекращается!

Поэтому возникает вопрос: а реально ли в принципе “склеить разбитый горшок”, да так, чтоб его можно было не только демонстрировать в музейной витрине, но и, скажем, наливать в него воду, ставить в печь? На бытовом уровне вопрос бессмысленный: не только надёжней, но даже дешевле купить новый. Тем более, что археологи не собираются в нём щи варить. А вот в индустриальном смысле – если иметь в виду расколотое общество – такая задача актуальна во все времена, но во все времена и трудноразрешима. Даже Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, поссорившихся из-за гусака, примирить не удалось: “Скучно на этом свете, господа!” Можно, впрочем, восстановить отношения между государствами после случившихся между ними военных конфликтов: тут душевные “скрепы” не нужны, всё строится на отношениях взаимной выгоды, а дипломатам в любом случае положено улыбаться. Но возродить разорванные внутренние “скрепы” в обществе, пережившем социальную катастрофу, – задача почти невыполнимая, травмы такого рода порой не заживают столетиями.

Сталкиваясь с проблемами государственного масштаба, мы привыкли в постсоветские времена оглядываться на “мировой опыт”: а как, мол, в подобных ситуациях поступают в “цивилизованных” странах? Что ж, и на самом деле любопытно: а что зарубежный опыт подсказывает по поводу социального примирения после общественных катастроф?

Со времён горбачевской “перестройки” у нас популярна легенда о том, как “мудрый каудильо Франко”, одержав победу в гражданской войне, будто бы восстановил гражданский мир в Испании. Ради примирения он, во-первых, воздвигнул грандиозный мемориал на месте захоронения жертв гражданской войны с той и с этой стороны, а во-вторых, восстановил монархию – легитимную власть в стране, прерванную в результате социальных катаклизмов 1930-х годов. “Вот нам бы так!” – слышал я от многих.

Забавно, что легенда о “миротворце Франко”, по сей день вдохновляющая наших социальных прожектеров, почти неизвестна в самой Испании. Если испанцы о ней что-то и слышали, так от нас, русских. Слышали и удивлялись.

В том, что монументальный комплекс в Долине Павших (Valle de los Caídos) не имеет никакого отношения к идее общественного примирения после гражданской войны, я имел случай лично убедиться лет пятнадцать назад. Когда мы туда приехали, огромное пространство комплекса поражало своей пустотой, хотя стоял лучезарный осенний день, а расстояние от Мадрида до Долины Павших – всего-то 58 километров. Для сравнения: несколькими днями позже мы посетили Финистерре (“Край земли” – самая западная точка Испании со знаменитым маяком на мысу, вклинившимся в Атлантический океан) – там хлестал непрерывный дождь, шквалистый ветер ломал зонтики, ими были забиты мусорные урны, усеяны площади и тротуары. Однако разноплеменная толпа неунывающих искателей приключений со всех континентов переполняла улицы и площади небольшого галисийского городка на “краю земли”. Почему же было безлюдно в Долине Павших? Разгадка проста: посещать это место считается в Испании дурным тоном. Вы это тотчас почувствуете,

если, приехав в страну, заявите тамошним своим друзьям или в какой-нибудь туристической конторе о желании посетить знаменитый мемориал. Я через это прошёл, однако проявил настойчивость и могу поделиться впечатлениями.

Начну, однако, с того, что сам по себе комплекс Valle de los Caídos (главный архитектор проекта — Диего Мендес), если отвлечься от его идеологической сути, производит сильное впечатление. Его вполне можно поставить в ряд с семью чудесами света, вдохновлявшими античных авторов, причём даже не восьмым по рангу, а, пожалуй, первым: древние чудеса не выдерживают сравнения с ним, он затмевает их по физическим масштабам, да, наверно, не уступает и по мастерству исполнения. Те поражали воображение современников, прежде всего, своими циклопическими размерами: высота пирамиды Хеопса 137 метров, высота Фаросского маяка 122 метра и т. д. Но крест, венчающий мемориал Долины Павших, сам по себе имеет высоту 150 метров, да к тому же вознесён на вершину 150-метровой скалы. Сооружение общей высотой 300 метров в хорошую погоду видно, говорят, даже с северной окраины Мадрида. А подножье исполинского креста окружают (там же, на вершине скалы) гранитные изваяния работы Хуана де Авалоса, изображающие четырёх евангелистов: стоишь возле большого пальца босой ноги св. Матфея или св. Луки, а толщина этого пальца почти равна твоему росту. А над евангелистами до высоты 42 метров возвышаются ещё фигуры, символизирующие человеческие добродетели. Эта многофигурная композиция не уступает по масштабу легендарному Колоссу Родосскому, а по выразительности, думаю, его превосходит.

Сам же крест даже и сравнить не с чем. Если смотреть с дальнего расстояния — это лёгкая и изящная конструкция, а ведь она сложена из гранитных блоков. Даже гранитная вертикаль 150-метровой высоты кажется невероятной, но имеется же ещё и поперечина общей длиной 46 метров! То есть где-то на 250-метровой (если мерить от подножья скалы) высоте парят над нашей грешной юдолью две консоли примерно по 20 метров в длину каждая. Сложенные, подчёркиваю, из гранитных блоков! Сколько ж они весят? Сделайте скидки на все облегчающие варианты, и всё равно счёт должен идти на десятки, если не на сотни тонн. Сотни тонн гранита, висящие в воздухе, — воля ваша, я не сумел разгадать это инженерное чудо, и никто не смог мне помочь. Но не духом же святым они держатся! И годятся ли им в сравнение “висячие сады” Семирамиды?

Однако уму непостижимая конструкция, венчающая огромную скалу, — лишь навёрхье грандиозной базилики, вырубленной в скале под крестом, и этот подземный храм — смысловая основа всего сооружения. Размеры базилики производят не менее грандиозное впечатление, нежели возвышающийся над ней снаружи крест. В плане и подземный храм имеет форму креста: две величественные, насыщенные символическими изображениями галереи (чего стоят хотя бы восемь gobеленов на темы Страшного суда работы нидерландского мастера XV века Гильермо Панненмайтьера: размеры каждого примерно 5 x 12 метров), пересекающиеся примерно в двухстах метрах от входа под прямым углом.

Там, где они пересекаются, обустроен алтарный зал. Именно зал, а не просто алтарь, как обычно бывает в христианских храмах. Алтарный зал базилики в Долине Павших — это вырубленный в камне грот под купольным сводом высотой и диаметром около 40 метров, подражание своду римского Пантеона, только свод Пантеона декорирован кессонами, а тут мозаика работы Сантьяго Падроса, составленная, по одним источникам, из 4–6, а по другим, аж из 400 миллионов цветных камешков — поди подсчитай! Под куполом — обширная круглая гранитная площадка, которая смотрится как пьедестал для огромного же, как всё здесь, в несколько раз превышающего человеческого рост распятия. А у подножья распятия — именно то главное, ради чего все это циклопическое сооружение и создавалось: два “сакральных” захоронения — идеолога испанского фашизма и основателя Фаланги Хосе Антонио Примо де Риверы и самого каудильо Франсиско Франко.

Про Франко худо-бедно слышали все, а о Хосе Антонио (фамилию его по сей день в Испании редко называют — и без того понятно, о ком речь) у нас знают немногие. Он был расстрелян республиканцами ещё в ноябре 1936 года на тюремном плацу в городе Аликанте по приговору суда за участие в воен-

ном мятеже. Ему было тогда 33 года – сакральный возраст. Франко потерял активного сподвижника, но и, пожалуй, сильного конкурента на статус “вождя”, зато приобрёл символ, который сыграл роль в успехе мятежа, возможно, даже большую, чем ежели бы мятежников вдохновлял своим словом и примером живой трибун (и отчасти поэт). Вот этому символу и надлежало занять центральное место в монументальном комплексе, призванном возвысить и сакрализировать смысл победы мятежников. Поэтому последней операцией перед официальным открытием комплекса стало перезахоронение останков Хосе Антонио: их перенесли из Аликанте в Долину Павших 31 марта 1959 года, тем и завершилась двадцатилетняя великая стройка¹. А когда 22 ноября 1975 года по другую сторону распятия появилась могила Франко, проект обрёл полную завершённость.

В чём был смысл этого проекта? О том сам каудильо рассказал ещё в 1939 году, сразу после своей победы, в разговоре с художником Сантьяго Падросом – тем самым, что впоследствии создал мозаику купола над алтарём подземной базилики. Вдохновлённый масштабностью раскрывшихся ему перспектив, художник и донёс до потомков содержание “исторического” разговора с “вождём”. Новому режиму, откровенничал диктатор, необходимо эмоционально-зрительное воплощение его высоких устремлений, которое стало бы своеобразной параллелью к Эскориалу. Эскориал, по его словам, – это памятник великому прошлому Испании, а новый мемориал должен стать вехой и базой, под воздействием которых реализуется ещё более великое будущее страны. Поэтому и встать ему надлежало неподалёку от Эскориала.

Ну, и где тут хотя бы намёк на идею гражданского примирения?

Ага, вот: не придумали же интерпретаторы сведения о сорока тысячах (называют и более конкретную цифру, она несколько меньше, но того же порядка: 33 872) жертв гражданской войны, которые под сенью мемориала будто бы нашли примирение. Насколько цифра верна, споров, кажется, нет; проблема в другом: как тут размещены павшие республиканцы и фалангисты? Ответ простой: вперемешку, как попало. Тела тех и других эксгумированы с вполне понятной санитарной целью из безымянных захоронений, которые были рассеяны по всей территории страны. Никто не пытался идентифицировать останки; нигде не сообщается, в каком виде и в какие ящики они были загружены после того, как их извлекли из временных могил. Главное, что ящики с останками, свезённые в Долину Павших, помещены в крипты за дубовыми дверями в противоположных торцах той галереи базилики, что составляет поперечину подземного креста. Двери эти всегда плотно закрыты, посетителям базилики туда доступа нет. Но вот что видит любой посетитель: над той и другой дверью водружён католический крест, а под ним одинаковая в обоих случаях (без различия “левых” и “правых”) надпись: “Caidos por Dios y por Espana. 1936–1939. R. I. P.” То есть “Павшие за Бога и Испанию”. А “R. I. P.” означает “*requiescat in pace*” – “Покойтесь в мире” (латинская формула, которую часто можно увидеть на надгробных памятниках испанских католиков).

Как известно, дьявол кроется в деталях. “Por Dios y por Espana” (“За Бога и Испанию”) – это в обиходе мятежников Франко аналог нашего “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Хосе Антонио, горячий поклонник и последователь Муссолини, создал испанский вариант фашизма, привив “черенок” итальянского фашизма к традиционному для Испании католицизму. Фалангисты свою войну против республиканцев даже высокопарно называли “*la Cruzada*” (“крестовый поход”).

Следовательно, и крест над долиной, и пересекающиеся крестом галереи подземного храма, и распятие над могилами Хосе Антонио и Франко, и вся прочая символика мемориального комплекса однозначно и громко кричат о том, что “восьмое чудо света” создано во славу победившего франкизма, а останки павших республиканцев помещены в криптах подземной базилики на условиях, скажем так, полной и безоговорочной капитуляции. Никто не посчитался с тем, пожелали бы они сами (или хотя бы их родственники, оставшиеся в живых) “согласия и примирения” на таких условиях.

¹ Многие тысячи побеждённых республиканцев, измождённых, голодных, заключённых в созданном здесь специально для этой цели концлагере, с примитивными кирками и ломиками вгрызались в каменную твердь: испанский вариант ГУЛага.

По этой причине потомки погибших республиканцев (да и вообще нынешние испанцы демократических убеждений, а таковых в стране абсолютное большинство) воспринимают возведение покойным диктатором мемориала в Долине Павших не как шаг к примирению, а как попытку навязать, утвердить идеологию франкизма на вечные времена. Мало того, столь откровенное и циничное пренебрежение мнением и достоинством людей, которые отдали жизни за совершенно другие идеалы, нынешние испанцы считают оскорбительным не только для тех, кто погиб, защищая республику, но и лично для себя. Вот почему Долина Павших для них – дурное место, и приличный человек не должен, по их мнению, осквернять себя посещением этого капища¹.

Что же касается восстановления монархии, которое, согласно распространённой у нас легенде, способствовало обретению мира и согласия в обществе, расколотом гражданской войной, – тут верно лишь одно: именно Франко инициировал процесс возвращения верховной власти в стране королю. Но его замысел относился к идее гражданского примирения не больше, нежели строительство мемориального комплекса в Долине Павших, то есть не относился никак.

Восстановить монархию главарь фашистского мятежа пообещал ещё в ходе гражданской войны из тактических соображений, чтобы привлечь на свою сторону монархистов. Те, как говорится, “клюнули”, но ждали исполнения обещанного. Поэтому в 1947 году каудильо вынужден был сделать новый шаг: объявил Испанию королевством, оставив, однако, при этом трон пустующим. Свергнутый в 1931 году Альфонсо XIII Бурбон умер в Риме ещё в 1941 году; право на трон унаследовал его сын Хуан Каталонский, эмигрировавший в Португалию, но он успел ещё во время гражданской войны опрометчиво заявить о своём негативном отношении к мятежу Франко. Оппонент на испанском престоле был предводителю мятежников никак не нужен. Однако каудильо не хуже нас с вами понимал, что публичным заявлениям политиков не стоит слишком уж доверять, поэтому вступать в открытую полемику со строптивым доном Хуаном не стал, а нашёл способ с ним поладить. В результате тайного сговора диктатора с нежелательным претендентом на королевский трон десятилетний сын последнего Хуан Карлос в 1948 году был отправлен на учёбу в Мадрид с призрачной надеждой когда-то, при условии “хорошего поведения”, стать действующим монархом.

Осмотрительный Франко не спешил объявлять юного инфанта своим преемником: мало ли как повернутся события? Он сделал это только в 1969 году, когда возраст и здоровье принудили его заняться пересмотром планов на обозримую перспективу с учётом реальной возможности своего перехода в мир иной. Однако образованием и воспитанием юного Бурбона диктатор занимался даже более настойчиво, чем если бы тот был его родным сыном. Хуан Карлос не выглядел прилежным учеником (позже сам признавался, что сознательно играл роль шалопая, чтобы прежде времени не насторожить рьяных сторонников режима), а ведь предстояло передать ему не имя, не состояние, а главное дело жизни – тот социально-политический уклад, который, как самоуверенно полагал каудильо, гарантирует великое будущее Испании. Вот такой это был патриот. Стало быть, Франко строил мемориал в Долине Павших для увековечения идеологии франкизма, а параллельно “ваял” характер легитимного правителя, который должен был, по его замыслу, убеждённо и эффективно претворять эту идеологию в государственной политике.

Добавлю ещё к сказанному, что абсолютная власть позволяла диктатору решать и кадровые вопросы по своему усмотрению, так что к моменту “подведения итогов” все ключевые государственные посты занимали люди, преданные режиму и лично ему.

И о какой демократизации тут можно говорить?!

Всё предусмотрел хитроумный каудильо, чтобы исключить возможность ревизии его политического наследия. Даже будущий король, которому диктатор планировал передать (но только после своей смерти!) неограниченную

¹ Долина Павших для нынешней испанской общественности – как говорится, “чемодан без ручки”: разрушить жалко, сохранять немислимо, перенесение “главных святынь” в другое место (обсуждался и такой вариант) не изменило бы символики, которой пронизан комплекс, содержать – разорительно. И что тут можно сделать?

власть, должен был, взойдя на трон, стать как бы “реинкарнацией” самого Франко и править так, как правил бы сам основоположник режима. В этом смысле королю передавалась власть, всё-таки ограниченная готовой матрицей.

Если бы расчёты Франко сбылись, история Испании после его ухода развивалась бы совсем по-другому. Однако случилось непредвиденное...

Адмирал Луис Карреро Бланко пользовался особым доверием стареющего диктатора. С 1967 года он занимал пост заместителя председателя правительства (при председателе Франко). Пронаблюдав в течение пяти лет, как “зам” справляется с должностью, осторожный каудильо решился на следующий шаг: покинул пост главы “партии (то есть Фаланги) и правительства”, передав исполнение этих обязанностей адмиралу Карреро. Потом, выдержав ещё одну паузу, — более короткую, ибо проблемы со здоровьем торопили, — в апреле 1973-го официально провозгласил Луиса Карреро Бланко своим преемником на этих ключевых постах. Это означало, что высшая распорядительная власть в стране должна была оставаться в руках премьера Карреро и после коронации Хуана Карлоса. Таким образом Франко ещё одной мерой подстраховал созданный им режим от любых неожиданностей.

Только невозможно ведь застраховаться от судьбы.

20 декабря 1973 года бронированный лимузин адмирала двигался по улице Клаудио Козльо — это в самом центре Мадрида; примерный католик Карреро возвращался домой после мессы. Вдруг прогремел взрыв огромной силы — и лимузин исчез... бесследно. На месте, где он только что находился, образовалась воронка диаметром метров десять, которая в считанные минуты наполнилась водой из разорванного водопровода. И почему-то не было ни на воде, ни на берегах новорождённого водоёма ни обломков, ни даже масляных пятен — броневичок будто испарился. Часа два бились спецслужбы над разгадкой таинственного исчезновения, а причина оказалась хоть и невероятной, но вполне материальной. Взрыв был настолько мощным, что лимузин перебрало через крышу двухэтажного корпуса находившегося рядом иезуитского колледжа. Автомобиль падал во внутренний, закрытый по всему периметру двор и без того закрытого для посторонних учебного заведения, но упал не на землю, а на прочный металлический козырек над входом в дом со стороны двора, так что не только с улицы, но и со двора его не было видно. Прочный, как власть каудильо, броневичок уцелел, но пассажиры такого перелёта, увы, не выдержали.

Теракт совершили боевики баскской организации ЭТА: у басков с режимом Франко были давние счёты. Теракты справедливо осуждаются и законом, и общественным мнением, но этот был настолько эффектен и, главное, эффективен (ибо фактически вывел страну из безвыходной ситуации), что о нём в народе сразу же сложили озорную песенку — её и сейчас спойут вам испанцы, которые постарше: “Volo, volo, Carrero volo... Volo, volo... Y — ¡аура!”. То есть: “Летел, летел, Карреро летел... Летел, летел... И — опа!”

Опа! — и фигуры, на которую диктатор делал главную ставку в многоходовой комбинации, имевшей целью сохранение режима после смерти его основателя, не стало. И сама комбинация, терпеливо и настойчиво разыгрывавшаяся четверть века, лишилась смысла. К такому повороту событий каудильо, естественно, не был готов и растерялся. Явным экспромтом стало назначение им на пост премьера профессора-правоведа (хотя и с фалангистским прошлым) Торкуато Фернандеса-Миранда, но через десять дней диктатор передумал и передал штурвал в более твёрдые руки — министру внутренних дел Карлосу Ариасу Наварро. Миссия главного полицейского на высшем государственном посту заключалась не в том, чтобы что-то менять, а в том, чтобы “держат и не пущать”. С этой миссией он справлялся достаточно успешно и занимал пост премьера до самой смерти каудильо (почти два года). Поначалу он был оставлен на этой должности и взошедшим наконец-то на обещанный ему трон Хуаном Карлосом. Однако, повременив чуть больше полугода, король заменил жёсткого стража режима Адольфо Суаресом. Ревностные сторонники режима восприняли эту замену с одобрением: Суарес был видным деятелем в политическом руководстве Фаланги, оппозиционеры даже настаивали на его сходстве не только по имени, но и по сути с другим, более известным в мире Адольфом. Но именно Суарес неспешно (умный человек, он понимал, что шоковые операции для больного организма смертельно опасны),

но твёрдо осуществил демонтаж франкистского режима: выпустил из подполья оппозиционные партии, амнистировал политзаключённых, упразднил Фалангу. Разумеется, такое развитие событий после его ухода не могло присниться Франко и в кошмарном сне — не для того он четверть века пестовал будущего короля! Так что приписывать диктатору идею преобразования диктатуры в демократию, по меньшей мере, наивно.

Тогда, выходит, инициатором преобразования стал король? Король, выступающий демократию, — это, конечно, “круто”, и у столь экстравагантной версии есть немало поклонников в интернете. Что ж, Хуану Карлосу при вступлении на престол было уже 35 лет — “не мальчик, но муж”. Он оказался гораздо умней и самостоятельней в мышлении, нежели о нём думал покойный каудильо, и ещё при жизни Франко понял бесперспективность франкизма, хотя говорить о том вслух воздерживался. Но как вы представляете себе ту ситуацию: демократически мыслящий король отдал распоряжение убеждённому фалангисту, и тот “сделал руки по швам”? Думаю, если бы дело складывалось таким образом, то либо Суарес с негодованием отказался бы от должности премьера, либо у премьера-фалангиста хватило бы влияния и поддержки со стороны элиты, взращённой ещё Франко, чтобы “укротить” короля. Нет, демократизация стала возможной лишь потому, что король и его первый министр совместно, при полном взаимопонимании выбрали новый курс для страны. И выбор их был обусловлен тем, что оба озаботились не “принципами”, а жизненными проблемами Испании. Примерно так же, как за четверть века до того Людвиг Эрхард был озабочен проблемами Германии, а десять лет спустя Дэн Сяопин — проблемами Китая. В каждой из этих стран ситуация была своя, и лидеры не искали готовые рецепты на стороне, а разрабатывали способы выхода из кризисных ситуаций, которые были бы эффективны именно здесь, в своей стране. Во всех этих случаях реформы удались лишь потому, что они носили национальный, патриотический характер, и это стоит особо подчеркнуть.

Адольфо Суарес оказался очень к месту на первом этапе реформ: он хорошо знал франкистский режим изнутри и сумел демонтировать его без шоковых эффектов. Но сама по себе замена “тоталитаризма” парламентской демократией ничего всерьёз не решила. Экономический кризис и всеобщий раздрай в стране к началу 1980-х годов был примерно такой же, как у нас в конце горбачёвской “перестройки”. Это привело к ультраправому военному путчу 23 февраля 1981 года, по причинам возникновения, мотивам и намерениям напомиравшему будущий наш ГКЧП. Если бы испанский путч удался, там на неопределённое время был бы реставрирован франкизм. В роли “испанского Ельцина” выступил король Хуан Карлос, чем и снискал пламенную любовь даже лидера коммунистов Сантьяго Каррильо. Но если бы дальше события в Испании развивались по тому же сценарию, как позже в России, то и любовь к королю иссякла бы так же быстро, как наша “всенародная любовь” к Ельцину.

Но Испании несказанно повезло: на смену “испанскому Гайдари” Суаресу¹ не сразу, но вскоре пришёл социалист Фелипе Гонсалес, думающий, опять-таки, не о “принципах”, а об Испании. Ему удалось составить команду, которая занялась созиданием новых социально-экономических отношений. Гонсалес занимал пост премьера в течение 14 лет. По компетентному свидетельству бывшего советского посла Ю. В. Дубинина, работавшего в Мадриде в 1978–1986 годах (приехал ещё при Суаресе, а уехал при Гонсалесе), не гробница диктатора и не возрождение монархии объединили испанское общество, расколотое после демонтажа франкистского режима, а именно преобразование, совершавшиеся под руководством Гонсалеса. Они придали коллективным усилиям направленность и смысл.

А в постсоветской России своего “Гонсалеса”, увы, не нашлось.

Не слишком ли я уклонился от заявленной темы, рассуждая о том, как это делалось в Испании? Думаю, что не уклонился нисколько, ибо пишу не историю, а пытаюсь осмыслить закономерности, они же заметнее в сравнении.

¹ Конечно, эта параллель очень условна, но допустима в том смысле, что оба разрушали, но не строили.

Сравнивать Россию с Испанией давно стало общим местом, но дело, думаю, не в том, насколько мы похожи или непохожи, а в том, что, оказавшись несколько позже, чем испанцы, в сходной социально-политической ситуации и имея перед глазами достаточно успешный испанский опыт, мы явно пытались воспользоваться готовым рецептом. Трудно усомниться в том, что решения о восстановлении Храма Христа Спасителя в Москве и строительстве в Екатеринбурге Храма-на-Крови принимались с оглядкой на опыт Долины Павших. Опыт, как обычно у нас, не изученный, а усвоенный в форме легенды, которая, похоже, у нас же и родилась.

Ну, а об идее восстановления в России монархии я, поверите ли, впервые услышал, кажется, весной 1991 года на очень узком и подчёркнуто неофициальном совещании у секретаря Свердловского обкома КПСС по идеологии, куда был зван в качестве представителя свердловской творческой интеллигенции. Партия дождала последние месяцы, все табу уже были сметены, а всё же не верится, что щекотливая тема “обмена мнениями” родилась в голове хозяина кабинета. Конечно, этот “пробный шар” был запущен откуда-то сверху. Шар сразу же и лопнул, однако инициаторы (они же сохранили ключевые позиции и после упразднения КПСС) долго ещё не унимались, прикармливали, на всякий случай, возможных претендентов на российский престол; возможно, и по сей день держат этот вариант про запас: мало ли что?¹

Предвижу недоумение читателя: неужто наши власти оказались настолько некомпетентными, что усмотрели ключ к решению российских проблем в испанском опыте, хотя опыт испанцев – вовсе и “не о том”? Но дело не в компетентности: команда “младореформаторов” и выбранный ею своим вождём Ельцин на Испанию вовсе и не оглядывались. Они о “скрепах” не хлопотали, ибо исповедовали другую идеологию: что, мол, каждый – сам по себе, “скрепы” им только мешали бы. Насчёт храмов озаботились прагматики–“хозяйственники” Лужков и Россель, а монархические иллюзии в какой-то мере поддерживались инстанциями повыше – в качестве противовеса выходявшему из-под контроля “параду суверенитетов”.

Так или иначе, пример для подражания увидели в Испании, думаю, не первые лица государства, не те, кто принимает решения, а те, кто им подсказывает. Опыт преодоления франкизма они всерьёз не изучали, но, будучи “эрудитами”, знали, что объединяющая функция храмам приписывается всегда, и подтверждений тому не требовали. Знали они также, что монархию и в других странах не раз пытались реставрировать “для примирения”. Например, в Англии после революции Кромвеля (XVII век) вернули на трон Стюартов, в посленаполеоновской Франции XIX века – французских Бурбонов (правда, в обоих случаях с сомнительным успехом). Вот и нашим деятелям, ностальгирующим по “России, которую мы потеряли”, показалось, что нечто похожее произошло в Испании.

Но была ещё одна причина, по-моему, даже главнее прочих: пропасть между уровнем российской жизни после экономических провалов периода “перестройки” и вождельным благополучием Запада была удручающе велика. Предугадывались десятилетия изнурительной “гонки за лидером”, да ведь и не догонишь: “лидер” будет уходить в отрыв с большей скоростью, нежели мы сможем за ним гнаться. А нам ждть нестерпимо, хочется получить всё и сразу. Вот и стали сочинять прожекты о том, как обхитрить природу: программ “пятьсот дней”, “шоковую терапию”, “заграница нам поможет”... Словом, способы перемахнуть через пропасть одним прыжком. По-своему эффективными оказались лишь ваучерная приватизация и залоговые аукционы. Правда, они-то и раскололи общество на непримиримые 15% и 85% (здесь, конечно, эти цифры условны). Но и на этот случай идеологи скоропалительных перемен присмотрели простые решения: построим, дескать, храмы примирения, возвратим на трон “батюшку-царя”. В Испании же, дескать, получилось.

Что это – наивность, невежество или осознанный обман?

Нет, я не против простых решений “в принципе”; при случае и сам настаиваю: не надо усложнять. Но есть вещи, которые упрощать нельзя – без риска упустить главное. Нельзя, например, сводить смысл “Войны и мира” к сюжету.

¹ См. об этом: Солдатов А. Мама-монархия. // Новая газета. № 61, 2016.

Нельзя монетизировать совесть. Нельзя объяснять социальное самочувствие соблюдением “прав человека” образца 1948 года.

Вот и совершенство внутренней организации общества, его стабильность и способность противостоять внутренним коррозионным процессам и внешним угрозам нельзя толковать упрощённо, ибо это наивно и контрпродуктивно. Микрокосм личности в космосе социума – это малая капля в безбрежной стихии вечно неспокойного океана. О том, какие вступают в действие центробежные и центростремительные силы, какие дуют попутные и “беспутные” ветры, какие закручиваются вихри и воронки, возносятся и обрушиваются восходящие и нисходящие потоки, чтобы некое множество людей ощутило, а тем более осознало себя социальной общностью, – на эту тему написаны сотни книг и монографий, бессчётное количество статей на всех языках. Так что было бы опрометчиво затрагивать её походя. Я и не стану этого делать. Хочу лишь обратить ваше внимание на коллизию, которая очевидна и без погружения в дебри теории.

Почему президент В. В. Путин так много сделал для преодоления раскола, а раздрай сохраняется, если даже не усиливается? Думаю, дело в том, что состояние общества, которое мы воспринимаем как раскол, имеет две грани – реальную и “в головах”. Они, конечно, тесно взаимосвязаны, между тем это всё-таки разные вещи. Неумение или нежелание друг друга слушать и слышать, искать взаимопонимание, налаживать взаимодействие даже при наличии или возможности общих интересов, – это одно, а отсутствие общих интересов пусть и в условиях реального взаимодействия – это другое.

Многие склонны воспринимать наш общественный раздрай по преимуществу в морально-нравственном аспекте. Дескать, мы очерствели, слишком ушли в личную жизнь, в приватные заботы, оттого стали неинтересны друг другу, с сослуживцами вне работы не общаемся, с соседями по лестничной площадке не знакомы, газет не читаем, равнодушны к общим делам. Для большинства это уже норма, немногим энтузиастам ещё хочется всколыхнуть “болото” – вдруг у кого-то пробудится вкус к жизни? Устраивают разные акции, раздают георгиевские ленточки, проходят колоннами с портретами дедов, что-то отстаивают, против чего-то борются...

Думаю, и “скрепы”, которые для упрочения национального единства ищет, придумывает, культивирует президент В. В. Путин, – спортивные страсти, массовые действия, патриотические акции, “правильные” учебники и проч., – они того же порядка и рассчитаны на таких же энтузиастов. Не стану спорить: путинские “скрепы” как-то работают, но... На открытых пространствах истории они вроде комнатного вентилятора против свежего встречного ветра. Если сказать без экивоков, “скрепы”, выстроенные в головах, легко разрушаются при столкновении с социально-экономической реальностью. Я даже не имею в виду богатых и бедных, хозяев и наёмных работников – тут всего лишь “психология”, на которую, как показывает и советский, и постсоветский опыт, можно так влиять. Но никакими патриотическими акциями, никакими миллиардами, затраченными на патриотическое воспитание, невозможно повлиять на утвердившуюся в постсоветской России экономическую модель, которая отгораживает нас друг от друга и принципиально антипатриотична.

Обратите внимание: ровно с начала рыночных реформ у нас совершенно вышли из теоретического оборота и практического обихода такие ключевые экономические понятия, как *политическая экономия* и *народное хозяйство*. Большой неожиданности для меня в том не было, но я всё же решил проверить себя, обратившись к интернету. Результат получился ожидаемый: везде, где этот вопрос так или иначе затрагивается, следует разъяснение примерно в том духе, что эти понятия якобы скомпрометированы тесной связью с советской идеологией. Потому, дескать, теперь вместо выражения “народное хозяйство” принято использовать более широкий по значению термин *экономика*, а вместо выражения “политическая экономия” – *экономическая теория*.

Такое объяснение, безусловно, лукавое. Во-первых, “скомпрометированные” термины появились намного раньше, чем советская идеология: “народное хозяйство” – в XIX веке, “политическая экономия” – в XVII. Если вам не нравится, как их трактовали “большевики”, возвратите им “исторический” смысл или предложите иное, “правильное” толкование. Во-вторых, термины с “незапятнанной репутацией” для замены “скомпрометированных” вовсе не годятся. Дело даже не в том, что “продуктом питания” в ресторанном меню

нельзя заменить “бифштекс”, а в том, что “экономика” — это “сумма”, а “народное хозяйство” — система. Можно объяснить ещё нагляднее: груда деталей — и автомобиль. И “экономическая теория”, в свою очередь, — это обобщающее понятие для множества научных разработок в хозяйственной сфере, в то время как “политическая экономия” — лишь одна из экономических теорий, предмет которой зафиксирован в её названии, где сопряжены “политика” и “экономика”. Не прибегая к цитатам из разноречивых источников (особенно из современных), я бы сказал так: политическая экономия — это наука о хозяйственной деятельности как основе жизни сообщества людей, объединённых в государство.

Если принять во внимание эти пояснения, становится очевидным, что понятия “народное хозяйство” и “политическая экономия” оказались нынче в опале не из-за “порочащего” их советского прошлого, а из-за крайнего неудобства для теоретиков от экономики, обслуживающих нынешнюю государственную политику в области хозяйственной деятельности. Ведь их смысл — хоть в прошлые века, хоть в советских учебниках, — объединяющий. Народное хозяйство — это исторически сложившаяся в конкретном социуме *общность* хозяйствующих субъектов (относящихся к разным формам собственности), а политическая экономия — наука о том, как организовать их *совместную* работу на благо каждому и всем.

Хочу ещё подчеркнуть, что согласованный по интересам, совместный труд на общее благо — вовсе не обязательно социализм. Великий экономист (а не только химик) Д. И. Менделеев категорически не принимал идею социализма¹, но смысл экономической стратегии видел именно в том, чтобы организовать хозяйственную деятельность на любой территории и в рамках государства в целом таким образом, чтобы территория интенсивно развивалась, а выгоду от того получили все. Как эту идею реализовать на практике? В качестве ответа на этот вопрос можно рекомендовать книгу “Уральская железная промышленность в 1899 году”² — обстоятельный отчёт о легендарной поездке Менделеева с тремя сотрудниками на Урал по поручению С. Ю. Витте с целью выяснения причин деградации уральской железной промышленности и выработки рекомендаций по исправлению ситуации. Этот огромный том, перенасыщенный статистикой и научно-технической информацией, читается, тем не менее, как поэма, потому что это живой, заинтересованный, без малейшей примеси казенщины рассказ, опирающийся на богатую “фактуру” и исчерпывающее знание, которые сочетаются с глубиной анализа и обоснованностью выводов.

Я почему заговорил о Менделееве, которого нынешние экономические стратеги не знают и, как мне кажется, знать не хотят? Поясню цитатой из Витте: “Вообще вопрос о значении промышленности в России ещё не оценён и не понят. Только наш великий учёный Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику”³. К слову, если Менделеев был противником социализма, то Витте и вовсе был убеждённым монархистом.

Менделеев — автор многих трудов по ключевым вопросам экономической стратегии, но систематического изложения экономической теории у него нет, а вот у Витте такая книга есть⁴. Читатель, который к ней обратится, испытает огромное удовольствие не только от того, что получит ясное представление о весьма важных и серьёзных материях, но и от манеры изложения,

¹ Я, впрочем, не уверен, что он пытался глубоко в ней разобраться. Во всяком случае, его публикаций на эту тему не знаю. Скорее всего, его отвращала широко распространённая на грани XIX и XX веков разрушительная деятельность революционеров разных мастей, называвших себя социалистами.

² Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году. По отчётам о поездке, совершённой с Высочайшего соизволения, по поручению г-на Министра Финансов. / Издание 1900 года. Факс. издание. — Екатеринбург, издательский дом “АКВА-ПРЕСС”, 2006.

³ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. — М., “Мысль”, 1991. С. 515.

⁴ Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. Санкт-Петербург; Тип. АО Брокгауз-Ефрон, 1912, 1914. Эта книга не раз переиздавалась и в последние годы.

от безупречного русского языка, каким она написана. И если сопоставить содержание этой книги с экономическими идеями Менделеева, высказанными в разных трудах, никаких разногласий между ними вы не обнаружите, их просто нет.

И вот как объяснил Д. И. Менделеев в отчёте своему единомышленнику и другу С. Ю. Витте, в надежде на полное взаимопонимание, причину деградации промышленного Урала к концу XIX века: “Успехам, сперва очень быстрым, свободным и явным, всемерно — до раздачи земель — поощрявшимся Правительством, затем помешало многое, особенно же строгости, введённые всевластными горными начальниками, отвлечение в сторону открытием золота и рутинное ведение всех дел, богатыми, вне Урала живущими хозяевами через местных управляющих. Начинателям более не было места; на Урал стали глядеть только как на источник доходов, и вся жизнь там уложилась в рамки доходных статей”¹. Вам не кажется, что если “горных начальников” заменить просто чиновниками, а золото — нефтью или газом, то это суждение вполне можно отнести к нынешней России в целом?

Обратите ещё внимание на вскользь промелькнувшую фразу об успехах, поощрявшихся правительством. Это отголосок очень важной и для Менделеева, и для Витте мысли о “покровительственной политике” государства в области экономики, то есть о *протекционизме*. Для нынешних экономических гуру слово “протекционизм” — нечто вроде ругательства. По их мнению, помогая своим производителям, государство оберегает их от свободной конкуренции и тем самым лишает стимулов к развитию. А вот Менделеев утверждает, что государственное покровительство в своё время способствовало успехам “очень быстрым, свободным и явным”. Кому же верить? Нынешние экономисты *предполагают*, исходя из предвзятого мнения, что человек корыстен и ленив, а Менделеев имеет в виду государственную практику его времени, которая имела реальный успех. Учёный оправдывает эту практику, исходя из простого — житейского, можно сказать, — соображения, что нам “ещё много-много надо сделать для того, чтобы промышленная наша сила не уступала соседской, в пользу которой пошёл бы — без покровительственного тарифа — весь наш спрос, потому что начинающему нельзя же соперничать с возмужавшим и опытным”².

У протекционизма и в те времена были убеждённые противники, Менделеев и Витте были хорошо знакомы с их доводами, находили их в некоторых отношениях основательными, и всё же твёрдо стояли на своём: неокрепшие ростки отечественной промышленности нельзя оставлять без попечительства государства. Нынешние апологеты экономических свобод любят образ, восходящий, кажется, ещё к Адаму Смиту: государство должно ограничиваться ролью “ночного сторожа” при экономике. Вольно же было Адаму Смиту рассуждать о свободной конкуренции: Англия была тогда мировым лидером промышленного развития, посягнуть на её внутренний рынок со стороны было просто некому, а местные производители, соперничая друг с другом, наращивали мускулы на пользу экономике страны.

Между тем нарождающуюся российскую промышленность именно от экспансии зарубежных производителей нужно было оберегать, и протекционизм как один из основополагающих принципов отечественной экономической стратегии начинался с установления *покровительственного тарифа* — об этом ведь тоже Менделеев говорит.

Экономическая политика, основанная на идеях Менделеева и Витте, радикально расходится с постулатами западных экономических гуру, но она вывела Россию в начале XX века по темпам промышленного развития на одно из первых мест в мире. Этого даже либералы-рыночники не отрицают, хотя попыток изучить природу того успеха почему-то не делают. Мало того, даже и экономические успехи молодой советской власти в середине 1920-х годов были в известной мере обусловлены идеями монархиста Витте. Во всяком случае, именно у Витте, хоть и негласно, была позаимствована идея “золотого червонца”, который помог стабилизировать и двинуть в рост экономику страны, разорённой катаклизмами 1914–1920 годов; помог “стране-изгою”

¹ Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 году. С. 5-6.

² Там же. С. 10.

Советской России выйти на международный рынок. Внедрение твёрдой советской валюты прошло успешно не в последнюю очередь потому, что в команде советского наркома финансов Г. Я. Сокольниковы работали специалисты из аппарата “царского” министра финансов С. Ю. Витте.

Но почему-то наши “младореформаторы” не озаботились изучением весьма плодотворного отечественного опыта и доверились иноземным учителям. И произошло именно то, от чего оберегали отечественную промышленность выдающиеся российские экономические стратеги конца XIX и начала XX века. Печально, но даже и смешно: нынешние экономические “успехи” принято соизмерять с уровнем 1990 года, как в советские времена сравнивали с уровнем 1913-го. Но 1913 год в предреволюционный период был самым успешным, и сопоставление с ним для советской пропаганды было выигрышным, поскольку по многим важным показателям тот уровень в советское время был превзойдён в разы. А 1990-й в предреформенный период был самым провальным (иначе и никакие реформы были бы не нужны), а мы нынче лишь по некоторым показателям едва-едва к нему приближаемся.

В общем-то, конечно, понятно — почему, но не буду выходить за рамки своей темы, а о том, почему “младореформаторы”, предводительствуемые Ельциным, заставили страну “соперничать с возмужавшим и опытным”, пусть читатель сам поразмышляет.

А я, завершая свои заметки, хочу лишь подчеркнуть, что экономическая теория, исключая такие понятия, как “народное хозяйство”, “политическая экономия”, “протекционизм”, стала основой государственной экономической политики, легко и радикально ломающей любые, в том числе и очень затратные для государственной казны “скрепы”. О каких “скрепах” может идти речь, если предприятия, существующие на конкретной территории, неизвестно кому принадлежат, если привлечение “инвестиций” никак не соотносится с постановкой народнохозяйственных задач? Если “эффективным собственникам” (на самом деле таковых практически не бывает: эффективными могут быть лишь рачительные хозяева, а собственники стригут купоны) нет дела до нужд и перспектив территории и всей страны, потому что они сами предпочитают жить в местах более комфортабельных? Если банкротство или расширение таких “бизнесов” имеет для “народа” (тоже исключённое из употребления понятие) и страны лишь то значение, что закрываются или создаются “рабочие места”?

Да и вообще политика эта такова, что на её основе вся жизнь общества укладывается “в рамки доходных статей”. Ну, а патриотизм, чтоб не мешал, естественно, объявляется “последним прибежищем негодяев”.